

В. П. Миронова
Петрозаводск

**Образ кузнеца Илмаринена
(на основе южнокарельских
эпических песен и эпоса «Калевала»)**

В карельской эпической традиции основными персонажами рун являются преимущественно герои-мужчины: Ваянямейнен, кузнец Илмаринен (в южнокарельских и приладожских вариантах Илмойллине), молодой Йоухахайни (в южнокарельских и приладожских вариантах Йоугамайни), Куллерво, Иван Лаппалайни, Каукомойни и другие. Среди них особое место занимают Ваянямейнен и Илмаринен, образы и функции которых в различных этнолокальных традициях несходны друг с другом. Старый мудрый Ваянямейнен, шаман и охотник, — основной персонаж большинства севернокарельских рун, среди которых можно назвать такие сюжеты, как «Рождение Ваянямейнена», «Сотворение мира», «Состязание в пении», «Путешествие в Туонелу», «Состязание в сватовстве», «Игра на кантеле» и другие. В эпической традиции карелов-ливвиков центральное место принадлежит среднему брату — кузнецу Илмойллинену, который в песнях строит кузницу, мастерит лодку, создает кантеле, сватает деву Хийтолы. Все действия герой совершает один, лишь в некоторых вариантах может обращаться за помощью к братьям, Ваянямейнену и Йоугамайнену.

Переход многих функций в южнокарельской эпической традиции от Ваянямейнена к кузнецу Илмойллинену может иметь под собой историческую основу: на севере Карелии, как известно, было сильнее развито рыболовство и охота, тогда как на юге и в Приладожье добывали железную руду, и кузнечное дело было более распространенным ремеслом. Железодельное производство в течение многих столетий оставалось традиционным занятием южнокарельского населения. В XIV в. Олонецкий погост занимал одно из первых мест в Карелии по количеству продаваемого железа. Из исторических источников известно, что в XVI в. изделия карельских кузнецов, знаменитые «олонецкие» сохи и топоры, получили широкую известность на российском рынке [Клементьев 2003: 227]. Таким образом, предположим, что развитие кузнечного ремесла в регионе

могло послужить формированию образа кузнеца в эпической традиции карелов-ливвиков как одного из центральных.

С другой стороны, необходимо учитывать и тот факт, что в народном сознании кузнец всегда был необычным человеком и занимал особое место в обществе. Профессия кузнеца была одной из древних и чрезвычайно важных в деревне. Несмотря на утилитарный характер, кузнечное ремесло в народном сознании было овеяно тайнами и наделялось совершенно необычными свойствами. Издавна считали, что ведовство у кузнеца является составной частью его ремесла. Так, например, в русской сказке он перековывает старого на молодого, куёт брачные узы или судьбу людям в заговорах и песнях, изображается в роли «знающего» человека в мифологических рассказах [Криничная 2000: 19].

Подобное отношение к кузнечному мастерству сложилось в древние времена и объясняется тем, что оно воспринималось как высшее умение, искусство, связанное с преобразованием такого материала, как железо. В мифологических представлениях обработка железа и создание оформленных предметов из него наряду с некоторыми технологическими процессами в других областях человеческой деятельности — типа выпекания хлеба, тканья полотна, изготовления горшков — соотносится с актом творения мира и преобразования его из хаотического состояния в космическое, т. е. упорядоченное [Русская мифология. Энциклопедия 2006: 591].

Прослеживая карельскую эпическую традицию, замечаем, что кузнечным ремеслом Илмойллине стал заниматься сравнительно поздно. Первоначально, как показывают исследования, он был языческим божеством, этот образ восходит к древнему общему финно-угорскому божеству неба, ветра, воздуха. Этимология слова Илмойллине (Илмаринен) берет начало от слова «илма», что в переводе означает воздух, небо, погода. По поверьям лапландцев, Илмар — это бог воздуха и огня, который мог нагнать бурю и плохую погоду [Нагва 1943: 11]. Во времена язычества Илмойллине был богом неба и являлся одним из древних богов наших предков. Но позже он уже не бог неба и вообще не бог, а полубог, как Вяйнямейнен [Kempainen 1933: 17]. Протестантский епископ Микаэл Агрикола, собравший в 1551 г. сохранившиеся сведения о языческом пантеоне финнов, относит Илмойллинена к языческим богам народности хяме. Упоминание этого имени можно найти и в заговорах, и в молитвах моряков, считалось, что от этого бога зависела погода, в том числе удачное путешествие [Петрухин 2003: 79].

Илмойллине в карельских эпических песнях изображен как кузнец, «кователь небесного железа» (Ilmoin gaudojen tagoju), что сближает его с небесными кузнецами других мифологий. В мифах коми встречается бог Ен, который сотворил мир, небо. Имя Ена в переводе и означает «бог», «небо», оно близко к именам других небесных богов, в том числе удмуртского Инмара. Инмар, по удмуртской мифологии, — верховный бог, небесный бог, творец всего хорошего в мире [Петрухин 2003: 229].

В греческой мифологии есть также образ кузнеца — это Гефест, который выковал себе золотых дев, подобных живым. В германской мифологии — это Волунд, в балтийской — Калевиас, в славянской — Сварог, у кельтов — Гобан. Появление мифологических героев-кузнецов в международной традиции не может быть случайным. По всей видимости, добыча и переработка железной руды были действительно большим техническим рывком, который послужил возникновению новых мифологических верований. Раньше орудия труда и оружие изготавливали в основном из камней и костей, утомительно затачивая и выдалбливая. Кузнец же мог изготовить различные предметы неким таинственным способом, под воздействием большой температуры, отливая и выковывая [Наkamies 2004: 78]. Таким образом, обработка металла осмыслялась как мифологическое действие, а новым мифологическим героем железного века стал кузнец, который владел этим мастерством. Благодаря этому кузнец в крестьянском сознании наделялся необычайной силой. Предполагалось, что он владеет магическими знаниями, недоступными простому человеку.

Следует обратить внимание также и на то, что кузнец обрабатывал железо — один из металлов, который в традиционной культуре издревле обладал не только положительными свойствами, но и высоким сакральным статусом. Этот материал являлся одним из универсальных оберегов, что объясняется его прочностью, твердостью, долговечностью, связью с огнем. Железные предметы часто применяли в качестве оберега людей, находящихся в переходных лиминальных состояниях: беременных, рожениц, новорожденных, молодых на свадьбе. В карельской традиции металлическим предметам также приписывали необычайную силу. Археологами обнаружены многочисленные женские украшения: фибулы, бусы различных форм с бубенчиками и лапками водоплавающих птиц, при движении человека они издавали звуки, которые, по поверьям, отгоняли нечистую силу. Железные предметы использовали в качестве оберега невесты на свадьбе: к подолу платья, к

примеру, прикалывали булавки. Колдуны во время Святков при гадании молодежи очерчивали железным предметом круг, тем самым отгоняя нечистую силу. В лечебной магии колдун-тиедойниекку (tiedoiniekku) также использовал изделия из железа, например, нож являлся основным атрибутом борьбы с болезнью.

В дальнейшем, когда обработка железа получила распространение, мастера-кузнецы могли изготавливать из него практически все: от оружия до украшений, а в некоторых карельских, а также ингерманландских рунах кузнец, не сумев завоевать жену, выковывает себе ее сам. В данном случае мифическое начало уже уступает техническому мастерству героя-кузнеца.

Элиас Леннрот, создавая «Калевалу», изображает Илмаринена в качестве одного из основных персонажей повествования. Это помощник Вайнямейнена, искусный мастер, выковавший небосвод и мельницу Сампо, сватающий деву Похьелы. Анализ текстов эпических песен и «Калевалы» показывает, что образ и функции кузнеца в беломорской эпической традиции и своде в большинстве своем совпадают. В южнокарельской традиции во многих сюжетах кузнец Илмойллине, как мы уже отмечали выше, выходит на первый план, вытесняя или заменяя Вайнямейнена и во многих случаях выполняя его функции. В олонецких вариантах нет описания выковывания небосвода, но используемая в песнях постоянная характеристика кузнеца как мастера, «кующего небесное железо, раздувающего небесные угли» (ilmoin raudoin tagoju, ilmoin hiilen hiiluttaju), дает возможность предположить, что такой мотив некогда был.

Кузнец становится центральным персонажем самого распространенного в Олонецкой Карелии сюжета о сватовстве: Илмойллине едет в далекую мифическую Хийтолу за красивой Катериной: Lähti seppo Ilmoilline // Kaunistu koziččemah, // Katerinua sulhaistamah — Отправился кузнец Ильмойллине // За красавицу свататься // В женихи к Катерине [КЭП 145: 22–24]¹.

Во многих вариантах кузнец наряду с Вайнямейненом является творцом первопредметов: в песнях Илмойллине строит кузницу: Loadibo seppo vaččah pajan, // Polven pani alužimekse, // Kulakan vazarakse, // Sormišuarat piihtysekse — Сделал кузнец в утробе кузницу, // Коленку — наковальней, // Кулак — молотом, // Пальцы — клещами [SKVR II: 91. 103–106].

¹ В дальнейшем при цитировании «Карельских эпических песен» (сокращенно КЭП) первая цифра обозначает номер песни в сборнике, далее номер строк.

В отдельных вариантах он также мастерит лодку: *Oli moa-seppä, // Vesti laijat kalliolla* — Был земной кузнец, // Смастерил он борта на скале [SKVR II: 152. 1–2]².

Илмойллине наравне с Вяйнямейненом может изготовить и кантеле. *Vallan seppo venosessa // Tegi luista kandeletta, // Viizin rormin soittamah* — Всемогуший кузнец в лодке // Сделал из костей кантеле, // Чтобы пятью пальцами играть [SKVR II: 152a. 40–41].

В эпических песнях, принадлежащих к южнокарельской этнолокальной традиции, Илмойллине представлен как искусный мастер-кузнец, способный изготовить из железа различные предметы. Так, к примеру, Илмойллине может выковать нож: *Luadii veiččuon on vaččassa* — Сделал нож в утробе [SKVR II: 90.139]. В вариантах кузнец чинит девушке ушат (*kohendelen korvajoizen*) или выковывает ей украшение: крест на шею (*ristan rinnal tavon*).

Казалось бы, южнокарельский кузнец выполняет те же действия, что севернокарельский Вяйнямейнен или Вяйнямейнен из «Калевалы», но следует обратить внимание на используемые в рассматриваемых мотивах глаголы: в южнокарельской традиции кузнец смастерил, сделал — *luadi, tegi* в отличие от севернокарельских вариантов, где Вяйнямейнен делает предметы с помощью магии слова, т. е. герой «наговорил» — *tijjol teki*.

Наряду с кузнечным мастерством Илмойллине в южнокарельской эпической традиции обладает и некоторыми магическими способностями. Так, в сюжете о сватовстве в Хийтоле герой при выполнении трудных брачных испытаний вызывает при помощи заговора небесный град:

Ukko, yline jumala,
Pienien pilvien pietteli,
Natakkiozien halliččii!
Laskes rauduragehii
Harmaan havvin hard’ejil, —
Nevon päidy pienembii,
Kanan d’äiččie kargembii!

О ты, Укко, бог всевышний,
Тучи останавливающий,
Облака раскалывающий!
Напусти железный град
Серой шуке на спину
Градинами поменьше лошадиной головы,
А куриных яиц крупнее!

[КЭП 170: 65–71]

В указанном сюжете при помощи магии слова кузнец может напеть в море остров, с растущими на нем огромными дубами: *Lauloi*

² В дальнейшем при цитировании *Suomen kansan vanhat runot* (сокращенно SKVR) римской цифрой указывается номер тома, далее следует номер текста и номера строк.

seppo sinisen suaren // Sinisel suarel sitkiet tammet — Напел кузнец синий остров, // На синем острове огромные дубы [SKVR II: 95. 71–72]. Магические способности проявляются у кузнеца в мотиве посещения «огненной бани»: прежде чем париться в ней Илмойллине заговорами остужает ее: Menöy seppo kylyö kylbemäh, // Puhuu kylyn vilukse — Идет кузнец в баню париться, // Наговорами тушит банный жар [КЭП 149: 132–133].

Таким образом, в южнокарельской этнолокальной традиции кузнец выходит на первый план, становясь основным героем песен на различные сюжеты, вокруг него разворачиваются все события, и на его образе сказитель сосредотачивает внимание слушателей.

Если говорить о «Калевале», то в ней образ кузнеца Илмаринена становится более значимым по сравнению с тем, как он представлен в эпической традиции Беломорской Карелии. Э. Леннрот связал основную сюжетную коллизию с именем и деяниями Илмаринена, который является неперменным участником таких мотивов, как «Выковыывание золотой девы», «Рождение железа», «Состязание в сватовстве», «Поход за Сампо», «Изготовление кантеле». По мнению финского исследователя А. Турунена, Илмаринен, становясь основным действующим лицом рун о сватовстве в «Калевале», приобретает некие человеческие качества и отдалается тем самым от образа бога, выковыывающего небосвод [Turunen 1985: 66]. В этой связи южнокарельский образ кузнеца, на наш взгляд, наиболее близок к «калевальскому», где Илмойллине представлен как творец первопредметов, искусный мастер-кузнец, обладающий некой магической силой, основной персонаж рун о сватовстве.

Источники

Карельские эпические песни / Предисл., подгот. текстов и коммент. В. Я. Евсеева. М.; Л., 1950.

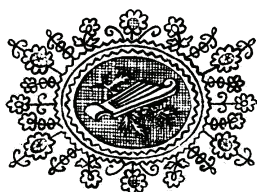
Suomen kansan vanhat runot. II osa / Julkaisut A. R. Niemi. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seuran kirjapaino. OY, 1927.

Литература

Клементьев 2003 — Клементьев Е. И. Промыслы и ремесла // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 227–228.

Криничная 2000 — Криничная Н. А. Русская народная мифологическая проза. Петрозаводск, 2000.

- Петрухин 2003 — Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. М., 2003.
 Русская мифология. Энциклопедия. 2006 — Русская мифология. Энциклопедия. М.; Л., 2006. С. 589–599.
 Hakamies 2004 — Hakamies P. Ilmarinen ja sepän sankaruus // Kalevala ja laulettu runo. Helsinki, 2004. S. 78.
 Harva 1943 — Harva U. Sammon ryöstö. Helsinki, 1943. S. 11.
 Kemppainen 1933 — Kemppainen E. Jumalan sukupuoli. Kuopio, 1933. S. 17.

М. В. Пулькин
Петрозаводск

**Персонажи карельских эпических песен:
 функции творения**

Изучение стереотипов поведения и функций персонажей эпических песен с использованием фольклорного материала представляет серьезную сложность. Трудности связаны, прежде всего, со спецификой материала: на явные следы древнего мышления накладывается жизненный опыт и творческий потенциал сказителей XIX — начала и даже середины XX в. Древнейший пласт в карельском эпосе «не вытеснен, а переработан таким образом, что его основной пафос получил полное и совершенное поэтическое воплощение» [Мелетинский 2004: 95]. Другие проблемы связаны со спецификой источника. Известно, что герои эпических песен действуют в таком пространстве, где отсутствует или творчески вырабатывается по ходу развития сюжета представление о норме. Так, сватающийся к дочери старухи Лоухи Ильмаринен усердно кует Сампо (выкуп за невесту) и не ведает усталости:

Целый день ковал он Сампо,
 Ночью забавлял девицу.
 [КФНЭ: 145]

При этом основным нравственным ориентиром для них становится справедливость, которая также понимается своеобразно. В частности, оскорбление старшего по возрасту или социальному статусу,